

DOI 10.15393/j9.art.2014.731

Валентина Александровна Мельничук

*кандидат филологических наук, ст. преп. кафедры
древних литератур и литературного источниковедения,
Новосибирский государственный университет
(Новосибирск, Российская Федерация)*
meln@nsu.ru

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ В ИЗОБРАЖЕНИИ ИСТОРИИ КИЕВСКОГО ПРАВЛЕНИЯ XII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕТОПИСНОГО СВОДА ИГУМЕНА МОИСЕЯ И НИКОНОВСКОГО СВОДА)

Аннотация. В статье исследуются евангельские цитаты в описании истории киевского правления XII века на материале двух летописных сводов. Киевская летопись XII века (свод игумена Моисея), на материале которой ставится актуальная проблема, касающаяся принципов воспроизводства исторической реалии в литературно-историческом повествовании, рассматривается как авторский текст. Образы князей, складывающиеся благодаря целенаправленному отбору автором литературных средств, среди которых евангельские цитаты и реминисценции занимают едва ли не первое место, обеспечивали расстановку нравственных акцентов в рассказах о разных эпизодах почти вековой истории Руси. Именно так игумен Моисей стремился обосновать законность наследования великокняжеского стола правнуком Владимира Мономаха Рюриком Ростиславичем, которому посвящен весь свод. Иначе представлены образы тех же самых князей и с ними история великого киевского правления в Никоновском своде, летописном памятнике XVI века. В некоторых сюжетах, добавляя штрихи к образам князей, евангельские презентации приводили к утрате злободневности, которой был насыщен свод игумена Моисея.

Ключевые слова: Евангелие, цитаты, автор, история киевского правления XII века, образы князей

В Киевском своде XII века в составе Ипатьевской летописи основная сюжетная линия представляет собой историю киевского великокняжеского правления. Составитель свода игумен Выдубицкого монастыря Моисей, в руках которого была окончательная компоновка всего свода, стремился обосновать законность наследования великокняжеского стола правнуком Владимира Мономаха Рюриком Ростиславичем, с именем которого связаны как политическая стратегия свода, так и его литературная обработка. Среди использованных

игуменом Моисеем литературных средств — евангельские цитаты и реминисценции, обеспечившие расстановку нравственных акцентов в истории XII века.

В Никоновском своде представлена иная по сравнению со сводом игумена Моисея история киевского правления XII века. Переакцентуация повествования в нем произошла не только за счет соединения разных источников при изложении событий, но также за счет обращения к евангельскому тексту, использованному для других, по сравнению со сводом игумена Моисея, целей.

Выводя в повествовании многоступенчатую генеалогию [6, 46–47] от отца Владимира Мономаха Всеволода к Рюрику Ростиславичу, игумен Моисей в событиях первой трети XII века целенаправленно подчеркивал правоту представителей дома Мономаха в ущерб другим князьям, например, старшей линии рода черниговских князей Ольговичей. В рассказе под 1123 (6631) год евангельская мысль о важности обретения человеком смирения используется летописцем для подчеркивания правоты сына Владимира Мономаха Андрея, воевавшего против Ярослава Святополковича:

Видь, что преодоле гордость, и паки исправит в сердци, что исправит смирение, якоже Писание глаголет: «Весь, узносяся сердцем, нечист пред Богом» (Лк. 14:11; Прит. 16:5). Прочее, дружино и братье, разумеите, по котором есть Бог, по гордом ли или по смиренном (Ипат., 9)¹.

Чуть ниже в тексте помещен авторский комментарий, содержащий цитату из Апостольского послания, в котором подчеркиваются заслуги не сына Владимира Мономаха, Андрея, но его отца:

Бысть велика помощь Божия благоверному князю Володимеру с своими сынами за честное его житье и за смирение его <...> Видьте, братие, коль благ Бог и милостив, на смиренныя и на праведныя призирая и мыщая их, а гордым Господь Бог противится силою своею, а смиренным же дает благодать (Ипат., 9; 1Пет. 5:5).

Рассуждения летописца при описании этих событий свидетельствуют, как заметил М. Д. Приселков, «не о правоте

Мономаха, а лишь о безусловной преданности автора его дому» [12, 181].

В описании действий Ярослава Святополковича использована формулировка, традиционно применявшаяся летописцами к отрицательным героям летописи, например, к Святополку Изяславичу в повести об ослеплении Василька Теремовльского, которая восходит к тексту псалма: князь действовал *надеяся на множество вои* [10, 140]. Смерть Ярослава Святополковича объясняется его «великой гордостью»:

И тако умре Ярослав, един у толце силе вои, за великую гордость его, понеже не имяше на Бога надежи, но надеяшеться на множество вой» (Ипат., 9).

Для сравнения: Владимир Мономах идет против Глеба Всеславича под 1116 (6624) год, *надеяся на Бога и на правду*.

Позитивная характеристика под 1136 (6644) год другого сына Владимира Мономаха Ярополка, которого автор характеризует как «благоумного», усилена приведенным в описании его конфликта с черниговским князем Всеволодом Ольговичем евангельским изречением:

Ярополк же бяше собрал множество вои на нь изо всих земель. И прием разсмотрение в сердци, не изиде на нь противу, ни створи кровопролитья, но убоявся суда Божия, створися мний в них, хулу и укор прия на ся от братье своея, и от всих, по рекшему: «Любите враги ваша» (Мф. 5:44). И створи с ними мир (Ипат., 14).

По завершении конфликта Ольговичи получили от Ярополка желаемые волости, о чем в Киевском своде сказано:

И вда Ярополк Олговичем отчину свою, чего и хотели (Ипат., 14).

Окончание фразы отсылает к обращению Ольговичей к Ярополку из рассказа предыдущего года с требованием отдать то, чем владел их отец. А. К. Зайцев, ссылаясь на свидетельство Новгородской IV летописи, указывает, что Ольговичи получили Курск. Споры из-за земельных разделов были причиной длительных конфликтов между черниговскими князьями Ольговичами и потомками Владимира Мономаха, на протяжении всей первой половины XII века между ними шла борьба за обладание Курском [3, 92–93]. Утраты в Киевском своде именно тех отрывков, в которых указаны права

старших Ольговичей, как и подчеркивание правоты сына Владимира Мономаха Ярополка посредством цитирования Евангелия, являются результатом целенаправленной правки текста, выполненной составителем свода игуменом Моисеем.

Евангельский текст использован игуменом Моисеем в описании одного из эпизодов сражения за Киев под 1149 (6657) год между Юрием Долгоруким и его племянником Изяславом Мстиславичем. Он содержится в обращении Владимирки Галицкого, который по просьбе Изяслава стал просить Юрия Долгорукого о примирении:

Бог поставил нас волостели в месть злодеем и в добродетель благочестивым. То како можем молитися к Создавшему нас: «Отче наш, остави нам прегрешения наша, якоже мы оставляем прегрешения наша»? (Мф. 6:12; Лк. 11:2–4) Сыновец ваю Изяслав, акы от ваю рожен, перед вами не творится прав, но кланяется и милости ваю хошет. Аз же не прост есмь ходатаи межи вами: Ангела Бог не сослет, а пророка в наше дни нетуть, ни Апостола (Ипат., 48; Матф. 13:57).

Обращение к Заповедям Блаженства, а также Посланию Иоанна Богослова позволило летописцу сформировать контекст, в котором речи Вячеслава, также обратившегося к Юрию Долгорукому с просьбой о мире, приобрели особый смысл:

Си слышав, князь Вячеслав преклонися на любовь, тем же речеться: «Блажени смиряющеса, яко те сынове Божии нарекуться (Мф. 5:9) <...> но ябы земля Руская расплодилася и розмогла в братолюбьи князии. Князь же Вячеслав послуша брата своего и свата Володимира, прием в сердце слова его, поткнуся к ряду и к любви. Бяшетъ бо князь Вячеслав незлобив сердцем, хваля преславного Бога, поминая писание: «Аще имеете веру, яко зерно синопно, речете горе сеи: “Преди” — преидеть (Мф. 17:20). И паки помянув слово глаголющее: “Бога люблю, а брата ненавижда, ложь еси; аще Бога любиши, люби брата”» (Ипат., 48; IИн. 4:20).

Цитирование книжником евангельского текста в речи Вячеслава Владимировича в приведенном выше примере дополняет образ князя, о христианских устремлениях которого свидетельствуют как его поступки, так и приведенные

в тексте прямые речи, раскрывающие мотивировку его действий. Они указывают на его готовность уступать братьям, стремление решать конфликты мирным путем, заботу об интересах Земли Русской [9, 125–127].

В русле стратегии игумена Моисея, стремившегося подчеркнуть права смоленских князей Ростиславичей, описан конфликт, разгоревшийся между этими князьями и Андреем Боголюбским под 1174 (6682) год. Для усиления позиций Мстислава Ростиславича в повествовании приведены рассуждения, восходящие к апостольскому посланию:

Якоже Павел глаголет: «Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать». Еже и сбыться слово Апостола Павла, глаголавша, еже и последи скажем (Ипат., 109; 1Пет. 5:5²).

Описывая эпизод переговоров двух враждующих сторон, летописец сумел метко выразить внутреннее состояние униженного и рассерженного Андрея Боголюбского, узнавшего о том, что Мстислав велел обрить бороду его послу и передал гневный ответ, с помощью внешнего описания:

И бысть образ лица его попустнел (Ипат., 109)³.

Подчеркивая в конце рассказа правоту Мстислава Ростиславича, летописец вновь ссылается на Апостольское послание:

Мстислав же много пота утер с дружиною своею и немало мужества показа с мужьми своими. Се же уже сбыться слово Апостола Павла, рекша, еже переде написахом: «Возносяйся смирится, а смиряися вознесеться» (Ипат., 110).

Аналогичный тезис использован под 1180 (6688) год в описании похода черниговского князя, представителя старшей линии Ольговичей, Святослава Всеволодича, против Рюрика Ростиславича, негативно сказывающийся на образе Святослава:

Бог бо не любит высокия мысли наша, возносящагося смиряет (Ипат., 122).

Фрагменты с участием Андрея Боголюбского, отредактированные в пользу смоленских князей Ростиславичей, контрастируют с отрывками, составленными сочувственным

Андрею Боголюбскому автором. О происхождении этих известий в исследовательской литературе нет единства мнений [13, 74–75; 11, 132–138]. Среди них, например, эпизод в рассказе о сражении за Киев его отца Юрия Долгорукого под 1149 (6657) год, в котором князю отведена главная роль, а спасение от «немчина», стремившегося проткнуть его рогатиной, объясняется силой молитвы, обращенной к великомученику Феодору Стратилату; рассказ о захвате Киева под 1171 (6679) год несколькими князьями, возглавляемыми сыном Андрея Боголюбского Мстиславом, который летописцем оправдывается: *И поможе Бог Андреевичу Мстиславу с братиею*; обличение под 1172 (6680) год с использованием евангельского текста, а также апостольского послания владимирского владыки Федора:

И сбыться слово Евангельское на нем глаголющее: «Еюже мерою мерите, возмерится вам. Им же судом судите, судится вам (Мф. 7:2). Суд бо без милости не створшему милости» (Иак. 2:13) <...> Благословен еси, Христе Боже, <...> спасе люди своя рукою крепкою, мышцею высокою, рукою благочестивою царскою правдиваго благоверного князя Андрея (Ипат., 102–103).

«Благоверным» князь назван также в описании похода на Новгород под 1173 (6681) год:

За грехи навел и наказа, по достоянью, рукою благовернаго князя Андрея (Ипат., 105).

Автор Повести об убиении Андрея Боголюбского под 1175 (6683) год, в которой сформирован образ князя-страстотерпца, второго царя Соломона, угодника Божия, обосновывает законность его княжения, цитируя апостольское послание со ссылкой на Иоанна Златоуста:

Власти бо от Бога учинены суть. Естеством бо царь земным подобен есть всякому человеку. Властью же сана вышши, яко Бог. Рече великий Златоусец: «Иже кто противится власти, противится закону Божью. Князь бо не туне носит мечь, Божии бо слуга есть» (Ипат., 115; Рим. 13:2).

Стремление выделить среди других князей двух смоленских князей: Ростислава Мстиславича и Давыда Ростиславича, — выразилось в особом композицировании их некрологов.

В описании смерти Ростислава Мстиславича под 1168 (6676) год цитируются слова Симеона Богоприимца из Евангелия от Луки, произнесенные в Иерусалимском храме в день Сретения, а также выражение из Книги Судей:

Возрев на икону самого Творца, нача глаголати тихим гласом, слезы испущая от зеницю: «Ныне отпусти раба своего, Владыко, по глаголу твоему с миром» (Лк. 2:29–32). И бе видити слезы его, лежащи на скранию его, яко женчужная зерна. И тако отирая слезы убрुцем, успе месяца марта в 14, а в 21 вложен бысть в гроб у святого Феодора в отни ему монастыри, приложився к отцим своим (Ипат., 95; Суд. 2:10).

В некрологе Давыду Ростиславичу под 1197 (6705) год, содержащему текст предсмертной молитвы князя, через первую Беседу Василия Великого использованы евангельские образы:

Господи! Якоже древле разбойника и блудницу и мытаря оправдал еси, тако и мене, Господи Боже мой, очисти от грех моих (Ипат., 151).

Гармонично встраивается в ряд панегириков смоленским князьям похвальная речь игумена Моисея, завершающая Киевский свод, посвященная Рюрику Ростиславичу в связи с укреплением им монастырской церкви св. Михаила, в которой нравственные устремления князя подчеркнуты отсылкой к сюжету о бедной вдове, пожертвовавшей Иерусалимскому храму две лепты:

В газфулакию бо княжения твоего любовь и хотение ввергше, акы вдовица она две меднице, прочее на милость твою надеющаяся слову ятися о Господе дерзаем (Ипат., 154; Мк. 12:41–44).

Обращаясь к словам пророка Исаяи, Моисей сравнивает души присутствующих с обновляющимися островами, а князя — с Зоровавелем, сыном Салфиила, обновившим Иерусалимский храм после возвращения евреев из вавилонского плена. Кроме притч-иносказаний, как указывал Василий Великий, одного из средств *уразумети правду истинную* [1, 66], для акцентирования заслуг Рюрика Ростиславича автор приводит изречение из Евангелия от Матфея:

Дела ваша добрая прославят Отца вашего, иже есть на небесех (Ипат., 154; Мф. 5:16).

Иначе представлены образы тех же самых князей и с ними история великого киевского княжения в Никоновском своде, летописном памятнике XVI века. Часть сюжетов в Никоновском своде не содержит евангельских цитат и реминисценций, имеющих в своде игумена Моисея. В других рассказах, напротив, добавлены изречения из Евангелия и Апостольских посланий, либо использованы иные по сравнению со сводом игумена Моисея евангельские презентации.

Приведем примеры. В рассказе под 1139 (6647) год описан конфликт между черниговским князем Всеволодом Ольговичем и сыном Владимира Мономаха Ярополком. Его кульминацией является обращение черниговских людей к Всеволоду Ольговичу с просьбой примириться с противником. По тексту Никоновской летописи к князю обращаются не только люди, как в своде игумена Моисея, но и епископ, что не является случайным, поскольку ее составитель, отстаивая интересы церкви, стремился подчеркнуть случаи «любви и совета» великих князей с митрополитами и епископами [4, 96–97].

В тексте Никоновской летописи черниговские люди характеризуют Ярополка как князя, который не только «желает мира», но «смирения и любви», что согласуется с изречением апостольского послания (отсутствующего в своде игумена Моисея), содержащегося в их обращении к Всеволоду Ольговичу:

Аще побежите в Половци, то власть свою погубите, и паки вспять не можете возвратитися тако сътворивше, писано убо есть: «Бог гордым противится, смиренным же дает благодать» (1Пет. 5:5); отверзите убо от себе гордость и чаяние, и примите великую помощь о Господи смирение, да милость примете от Бога (Никон., т. 9, 162).

По-разному в двух сводах сообщается о восшествии под 1146 (6654) год на киевский престол Изяслава Мстиславича. Если в своде игумена Моисея он представлен в «ореоле княжеской власти и княжеской славы» [7, 39] за счет указания на радостную встречу его людьми разных областей Киевской земли, то в Никоновском своде о его вокняжении сказано ла-

конично, а происходящее через обращение к апостольскому посланию объясняется волей Бога:

И того дни вниде князь Изяслав Мстиславич в Киев, и сяде на столе в Киеве на великом княжестве; а Игорь Ольгович седев точию в Киеве на великом княжестве две недели. Тако есть промысл Божии: егоже аще хоцеть, богатит, и егоже аще хоцет, милует (Никон., т. 9, 169; Рим. 9:15, 18).

В другом рассказе под 1149 (6657) год, описывающем конфликт между Юрием Долгоруким и Изяславом Мстиславичем, дополнительное по сравнению со сводом игумена Моисея использование апостольского послания, с помощью которого осуждается Изяслав Мстиславич (а не Юрий Долгорукий, как в своде игумена Моисея), придает повествованию назидательный характер:

Сия убо ему глаголющу, надеяся на множество воинства своего, а помощь от Бога есть: егоже хоцет, смиряет, и егоже хоцет, высит, возставляет от земля нища, и от гноища воздвизает убога, посадит его с сильными людьми и на престоле славы наследствуя его. Смиранным бо благодать дает Господь Бог, гордым же противляется (Никон., т. 9, 180).

Лейтмотивом многих сюжетов в Никоновском своде проходит евангельская мысль: «Кая польза человеку, аще и весь мир приобрящет, а душу свою отщегит?» (Мф. 16:26). Цитирование данного изречения, отсутствующего в своде игумена Моисея, чаще всего находится в контексте рассуждений автора или участников описываемых событий о суетности всего земного.

Такой пример содержится в рассказе под 1149 (6657) год, повествующем о поражении Юрия Долгорукого в сражении против нескольких воюющих против него князей. По тексту свода игумена Моисея Андрей Боголюбский уговаривает отца отказаться от дальнейшего сражения, поскольку не видит возможности его продолжать. Иная мотивировка действий Андрея Юрьевича сохранилась в тексте Суздальского свода, согласно которому князь «дорожит присягой» [2, 99]. В Никоновской летописи цитирование евангельского изречения, положительно сказываясь на образе Андрея Бого-

любского, приводит к осмыслению происходящего с точки зрения Вечности:

Отче, отче! Почто всеу мятемся? Все убо есмы смертни: днесь живи, а завтра умираем. Почто не разумеем суетия мира сего? Помяни, яко клялся еси, и целовал животворящий крест и с нами, с своими детьми. Что успеем в суетнем житии? Рече бо Господь: «Кая польза человеку, аще и весь мир приобрящет, а душу свою отщтит» (Никон., т. 9, 190).

Это же изречение используется в описании конфликта под 1152 (6660) год, в который были вовлечены смоленский князь Ростислав Мстиславич и черниговские князья Святослав Ольгович, Святослав Всеволодич, Изяслав Давыдович:

И обнемшися целовашася <...> кождо комуждо глаголюще: «Когда можем избыти волнения суетнаго и браней кровопролитных и греховных? <...> Воистину всеу всяк человек и суетно течение его (Пс. 38:6,7). Кая бо полза человеку, рече Господь, аще и весь мир приобрящет, а душу свою отщтит? Но убо Бог в правде есть и воздаст месть ненавидящим мир о Господи. Глаголется убо, яко от зачинающаго рать погибает» (Никон., т. 9, 195).

Наконец под 1196 (6704) год в словах Романа Мстиславича, согласившегося ради сохранения мира передать полученные им города Всеволоду Юрьевичу, вновь звучит эта же мысль:

Про мене, отче, брани и рати с великим князем Владимирьским Всеволодом Юрьевичем не воздвизай, но дай ему, еже он хошет, и утоляй вражду его, дабы кровь не пролилася, а мне вместо тех иныя власти дай, или аще что хошеши по возможному ти. Все бо есмы в гостех в мимогрядущем сем житии. И кая польза человеку, аще и весь мир приобрящет, а душу свою отщтит: страшно бо есть впасти в руце Бога живаго (Никон., т. 10, 24).

В некоторых рассказах Никоновского свода использованы иные по сравнению со сводом игумена Моисея евангельские презентации, что неизменно сказывалось на образах князей. Например, в своде игумена Моисея в рассказе под 1123 (6631) год, рассмотренном выше, цитирование евангельского текста подчеркивает нравственное превосходство над соперником сына Владимира Мономаха Андрея. В Никоновском своде заслуги Андрея Владимировича оказались нивелиро-

ванными как следствие использования другого евангельского изречения, подчеркивающего всемогущество Бога:

Ни хотящему, ни текущему, но милующему Богу, и яко от Бога возможна вся, а от человек ничтоже (Никон., т. 9, 152; Мк. 10:27).

Прочерченная в своде игумена Моисея многоступенчатая генеалогия, обосновывающая законность нахождения на киевском престоле правнука Владимира Мономаха Рюрика Ростиславича, была акцентирована евангельскими цитатами и реминисценциями, использованными в ключевых эпизодах повествования об истории великого киевского правления XII века. Именно так подчеркнута правота сына Владимира Мономаха Андрея, воевавшего с Ярославом Святополковичем, а позднее — другого сына, Ярополка, в описании его конфликта с представителем старшей линии рода Ольговичей, Всеволодом, законным претендентом на киевское княжение, летописание которого оказалось «зартушированным» игуменом Моисеем, как и летописание его сына Святослава Всеволодича, известного героя «Слова о полку Игореве», произнесшего «Золотое слово» [8]. Евангельский текст цитируется в обращении к Юрию Долгорукому князей, стремившихся примирить его с племянником Изяславом Мстиславичем, нарушившим порядок «родового старейшинства при распределении столов» [5, 245], а в дальнейшем — для утверждения законности киевского правления Ростислава Мстиславича и его сына Рюрика, великокняжеский свод которого и представляет собой дошедшая в составе Ипатьевской летописи история XII века.

Акцентирование важных вех в этой «авторской» истории, а вместе с ней и целеустремленность линии престолонаследования определенного рода князей, выведенной игуменом Моисеем, оказались утраченными в Никоновском своде, памятнике XVI века. В нем отсутствуют евангельские презентации, подчеркивающие заслуги Владимира Мономаха и его детей Андрея и Ярополка; цитаты и реминисценции из Апостольских посланий, транслирующие негативное отношение летописца к Андрею Боголюбскому, Святославу Всеволодичу, являвшимся в разное время соперниками Ростиславичей. Утрачены в Никоновском своде содержащие Евангельский

текст речи князей, выступивших на стороне соперника Юрия Долгорукого Изяслава Мстиславича, некрологи, содержащие похвалу смоленским князьям, панегирическая речь игумена Моисея, посвященная Рюрику Ростиславичу.

Использование в Никоновском своде иных по сравнению со сводом игумена Моисея евангельских и апостольских цитат и реминисценций, содержащих напоминание о суетности, бренности всего земного, подчеркивающих зависимость всего происходящего от воли Бога, привело к утрате злободневности, которой был так насыщен свод игумена Моисея. Две истории киевского княжения XII века, представленные в своде игумена Моисея и в Никоновском своде, являются ярким свидетельством творческой манеры обращения редакторов-соавторов летописных сводов с имеющимися в их распоряжении источниками.

Примечания

- ¹ Цит. по: Библия 1499 г. и Библия в Синодальном переводе (В 10 тт). Музей Библии, 1992. Т. 7. Ссылки на текст Киевского свода (свода игумена Моисея) даются по изданию ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2; на текст Лаврентьевской летописи — по изданию ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1; на текст Никоновской летописи — по изданию ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9; ПСРЛ. СПб., 1885, Т. 10.
- ² Автором Послания летописец называет Апостола Павла, тогда как высказывание принадлежит Апостолу Петру (5:5).
- ³ «Попуснети» — омрачиться (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 2, стлб. 1198).

Список литературы

1. *Бегунов Ю. К.* Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1974. Т. 28. С. 60–76.
2. *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1868. 378 с.
3. *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 57–117.
4. *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.
5. *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. СПб.: Алетей, 1998. 445 с.

6. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Князь и митрополит: штрихи к портрету Климента Смолятича // Траектория традиции: главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 21–79.
7. Лихачев Д. С. Стиль монументального историзма // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 26–67.
8. Мельничук В. А. Летописание двух ветвей династии Ольговичей в составе Киевского свода XII века: текст и контекст // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105). С. 170–179.
9. Мельничук В. А. Литературные характеристики сыновей Владимира Мономаха в Киевском своде XII века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 9: Филология. С. 123–131.
10. Мушар Ф. Между братом и сыном: об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи // *Ruthenica*. Киев, 2011. Т. 10. С. 137–146.
11. Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 555 с.
12. Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 245 с. (печ. по изданию: М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913).
13. Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 372 с.

Valentina Alexandrovna Melnichuk

*Ph.D. in Philology, Senior Lecturer of the Department of Ancient Literatures
and Literary Source Study of Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russian Federation)*

meln@nsu.ru

THE GOSPEL TEXT IN DESCRIBING THE HISTORY OF THE KIEVAN RULE IN THE 12TH CENTURY (ACCORDING TO THE HEGUMEN MOISEI'S CHRONICLE AND THE NIKON CHRONICLE)

Abstract. This article studies the Gospel quotations in the description of the history of the 12th century Kievan rule in two compillations of East Slavic chronicles. An important problem concerning the principles of representing historical reality in a literary and historical narration is studied through the example a 12th century Kiev cronicle (compiled by hegumen Moisei (Moses)),

which is interpreted as the author's text. Images of the princes created by the purposeful selection of certain literary means by the author, among which the Gospel quotes and reminiscences play the main role, provided moral accents in the stories about different episodes of almost a century-long history of Russia. It was how hegumen Moisei sought to prove legality of inheritance of the grand prince throne by Rurik Rostislavich, the great-grandson of Vladimir of Monomakh, to whom the chronicle is devoted in general. In the Nikon Chronicle, a massive chronicle compilation of the 16th century, images of the same princes as well as the history of the great Kievan rule are presented differently. In some of the plots the Gospel presentations add some strokes to the images of princes, while leading to the loss of "topical character" typical for the hegumen Moisei's Cronicle.

Keywords: the Gospel, quotations, author, Kievan rule in the 12th century, prince images

References

1. Begunov U. K. Rech' Moiseya Vydubitskogo kak pamyatnik torzhestvennogo krasnorechiya XII v. [Speech of Moisei, the hegumen of the Vydubitsk Monastery, as classical solemn eulogence of the 12th century]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. vol. 28, pp. 60–76.
2. Bestuzhev-Ryumin K. N. *O sostave russkikh letopisey do kontsa XIV v.* [Structure of Russian chronicles until the end of the 14th century]. Saint-Petersburg, A. Transhel' Printing House, 1868. 378 p.
3. Zaytsev A. K. Chernigovskoe knyazhestvo [Chernigov principality]. *Drevnerusskie knyazhestva X–XIII vv.* [Old Russian principalities of the 10th–13th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 57–117.
4. Kloss B. M. *Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [The Nikon Cronicle and Russian chronicles of the 16th–17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 312 p.
5. Kotlyar N. F. *Drevnerusskaya gosudarstvennost'* [Old Russian statehood]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1998. 445 p.
6. Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Knyaz' i mitropolit: shtrikhi k portretu Klimenta Smolyaticha [Prince and metropolitan: strokes to Kliment Smolyatich's portrait]. *Traektoriya traditsii: glavy iz istorii dinastii i tserkvi na Rusi kontsa XI – nachala XIII veka* [Tradition trajectory: chapters from the dynasty and church history in Russia at the end of the 11th – the beginning of the 13th centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2010, pp. 21–79.
7. Likhachev D. S. Stil' monumental'nogo istorizma [Style of monumental historicism]. *Likhachev D. S. Izbrannyye raboty: v 3 tomakh* [Likhachev D. S. Selected works in 3 Vols.]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987, vol. 3, pp. 26–67.

8. Mel'nichuk V. A. Letopisanie dvukh vetvey dinastii Ol'govichey v sostave Kievskogo svoda XII veka: tekst-kontekst [The chronicles of the two Olgovich dynasty branches in Kiev Chronicle of the 12th century: text and context]. *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Ural Federal University. Series 2. Humanities], 2012, no. 3 (105), pp. 170–179.
9. Mel'nichuk V. A. Literaturnye kharakteristiki synovey Vladimira Monomakha v Kievskom svode XII veka [Literary means used for creating the images of Vladimir Monomakh's sons in Kiev collection of the 12th century]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology], 2013, vol. 12, issue 9: *Filologiya* [Philology], pp. 123–131.
10. Mushar F. Mezhdubratom i synom: ob obraze Rostislava Mstislavicha v Kievskoy letopisi [Between a brother and a son: The image of Rostislav Mstislavich in the Kiev Chronicle]. *Ruthenica*. Kiev, 2011, vol. 10, pp. 137–146.
11. Nasonov A. N. *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya* [History of the Russian chronicles of the 11th – the beginning of the 18th centuries. Sketches and researches]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 555 p.
12. Priselkov M. D. *Ocherki po tserkovno-politicheskoy istorii Kievskoy Rusi X–XII vv.* [Sketches on church and political history of Kievan Rus' of the 10th–12th centuries.] St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 245 p. (printed according to the addition: M. D. Priselkov. *Ocherki po tserkovno-politicheskoy istorii Kievskoy Rusi X–XII vv.* [Sketches on church and political history of Kievan Rus' of the 10th–12th centuries]. St. Petersburg, 1913.
13. Shakhmatov A. A. *Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vekov* [Review of the Russian chronicles of the 14th–16th centuries]. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1938. 372 p.